

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МОТЕЛЬ

С М Е Р Т Н И К О В

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мотель смертников

«Научная книга»

2010

Леонов Н. И.

Мотель смертников / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2010 — (Полковник Гуров)

В Пензенской области неподалеку от мотеля «Над Сурой» застрелен глава московского банка «Амальгама» Кирилл Сотский. Убийцу быстро ловят; мотив преступления – ревность. Дело уже практически закрыто, но... почти в том же месте два месяца спустя погибает новый директор банка Глеб Арбенин – его машину раздавил груженный лесовоз. Несчастный случай – или все-таки есть связь с первым убийством? В этом поручено разобраться знаменитому оперу из МУРа Льву Гурову. Дело осложняется одним обстоятельством: рядом с лесовозом найдена черная женская перчатка. А женщины, как известно, такой транспорт не водят...

© Леонов Н. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов

Алексей Макеев

Мотель смертников

Человек сидел в машине и ждал. По роду своей деятельности, по своему высокому общественному положению он не привык ждать; наоборот, он привык к тому, что все вопросы решались быстро – и, как правило, в его пользу. Но сейчас был другой случай. Сейчас требовалось подождать, проявить выдержку, принять, хотя бы для вида, те правила, которые продиктовал его противник. Он не знал, кто этот противник, не знал, какими козырями тот располагает – значит, нужно потерпеть и узнать.

В конце концов, ждать было не так уж неприятно: кондиционер в мощном «БМВ» работал исправно, сиденье приняло именно то положение, которое было удобно для водителя. Он недавно поужинал и теперь отдыхал после долгой дороги. Ведь пришлось ехать из Москвы в такую даль! Он понимал, почему человек, приславший ему электронное письмо и назначивший эту встречу, назначил ее именно здесь. Все понятно: он намекает на ту драму, которая разыгралась здесь два месяца назад. Хочет сказать, что водитель «БМВ» причастен к гибели руководителя крупнейшего столичного банка. Что за ерунда! То преступление раскрыто, убийца найден и уже осужден. Кажется, его уже перевели в эту самую... в колонию. Однако надо узнать, чем располагает шантажист. В таком деле информация всегда полезна. А если это будет действительно шантаж – тогда можно обратиться к помощи милиции.

Однако этот инкогнито что-то запаздывает... Ясно, что он не местный – здешний народ в этих вопросах вообще ничего не смыслит. А раз приезжий, значит, мог задержаться в дороге. Что ж, можно еще немного подождать, поглядеть на огромные сосны. Кое-кто тащится от подобных пейзажей, готов платить немалые деньги, чтобы на них любоваться. Водителя иномарки вид соснового леса оставлял равнодушным – это был просто фон для деловой встречи.

Он не боялся, что не заметит того, кто назначил ему встречу, с кем-то его спутает: в конце концов, место пустынное да и час поздний, поэтому за те полчаса, что он здесь сидит, по этой узкой дороге проехала всего одна машина. Так что когда появится шантажист, он его сразу узнает.

Из-за равномерного гудения кондиционера водитель иномарки не сразу расслышал возникший где-то в стороне от дороги шум. Потом, когда расслышал, стал прислушиваться, даже стекло немного опустил. Мощный гул доносился не со стороны трассы, на которую въезжал грейдер, а откуда-то сверху, со стороны крутого холма, поросшего густым лесом. Что там может быть? Если бы дело было в горах, он бы подумал, что это идет лавина, но здесь все же не горы!

Тут он заметил огни, блеснувшие меж стволов, и успокоился: да это какой-нибудь припоздавший работяга едет с лесозаготовок. Ну да, вон и дорожка, петляя меж стволов, идет в ту сторону, поднимаясь на холм. Плохо, что его машина стоит прямо напротив этого проселка; ну да ведь наверняка этот здешний герой труда не первый год работает, – сумеет как-нибудь повернуть!

Однако лесовоз приближался что-то уж очень быстро, и владелец «БМВ» встревожился. Он привел сиденье в рабочее положение, поставил передачу на первую скорость и нажал на газ. Однако, видимо, сделал это слишком резко: колеса взвыли, вхолостую прокрутившись по обледенелой трассе. Надо было сделать то же самое еще раз только медленнее, спокойнее – и все бы обошлось. Но тут лесовоз выскочил из-за последнего поворота всего в нескольких метрах от него, и всегдашнее спокойствие изменило владельцу иномарки – он вновь изо всех сил надавил на газ, и снова безрезультатно.

Последнее, что он увидел, был чудовищный радиатор огромной машины, которая врезалась в бок иномарки, смяв ее, словно консервную банку...

Глава 1

Снегопад закончился так же внезапно, как и начался, и между туч выглянуло горячее весеннее солнце. Гуров прибавил скорость и, подумав, отключил печку и приоткрыл окно. Весна на дворе! Это здорово. Может, в этом году удастся сделать то, что они с Марией уже несколько раз намечали, но так и не смогли осуществить: выбраться на дачу к Крячко, отпраздновать приход весны. Стас их в прошлом году приглашал, но тогда не получилось – дела навалились. Сейчас вроде ничего сверхсрочного нет. Вот Мария вернется из своих сибирских гастролей, и можно договориться.

Домодедово осталось далеко позади, приближалась кольцевая. Гуров стал размышлять, как именно ему построить отчет по последнему делу о котрабанде, когда услышал звонок мобильного. Звонил Орлов. Гуров поднес телефон к уху, уверенный, что услышит напоминание о том, что отчет надо сдать непременно сегодня, но вместо этого услышал совсем другое.

– Ты почему еще не на работе? – тон генерала не предвещал ничего хорошего.

– Я же вчера говорил: Мария сегодня улетает, я проводить должен, – отвечал Гуров, не слишком обижаясь на начальство за забывчивость. – Уже возвращаюсь. Если не застряну, через час буду.

– Как приедешь, сразу ко мне, – распорядился Орлов. – Дело срочное есть.

– А как же отчет? – спросил Гуров.

– Успеется, – заявил генерал. – Я же говорю: дело срочное. И Крячко вызови, чтобы я сразу вас обоих ввел в курс дела.

– Конечно, срочное, у нас других и не бывает, – пробормотал Гуров – но трубка уже молчала, генерал отключил связь. Тогда он набрал номер Крячко и сообщил о приглашении начальства.

Пробки в этот мартовский день были не слишком изнуряющими, и спустя час Гуров, как и обещал, оказался в управлении. Не заходя к себе, он направился в кабинет Орлова. В приемной уже ждал Стас Крячко. Вместе они вошли к генералу.

– Дело вот какое, – без долгих предисловий начал Орлов, когда сыщики уселись по бокам стола. – Погиб председатель совета директоров банка «Амальгама» Глеб Арбенин. Мы тут все в банковских делах не очень разбираемся, так что я вас информирую: банк этот не простой, он кредитует целый ряд проектов, важных для страны. Например, газопровод «Южная струя» – слышали о таком? А кроме того, через него идут государственные деньги на освоение новых месторождений на Севере – в общем, много чего. Поэтому наверху весьма заинтересованы в том, чтобы банк стабильно работал. А потому проявляют к этому делу повышенный интерес. У начальства, как я понял, есть по поводу этого случая какие-то подозрения, связанные с высокой политикой, но оно ими со мной не делится. Но дело требуют расследовать срочно, в первоочередном порядке.

– Погоди, я что-то не понял, – вклинился Гуров в образовавшуюся паузу. – Ты сказал погиб, я не ослышался? То есть этот самый Арбенин не убит?

– Вот это первая загадка в этом деле, которую вам надо разгадать, – сказал начальник главка. – Выглядело это так: Арбенин сидел в своей машине – у него «БМВ» последней модели – когда на него с пригорка съехал груженный лесовоз. Машина всмятку, водитель... ну, сами понимаете. Его потом оттуда с автогеном извлекали. Хотя врач говорит, что он еще какое-то время был жив, даже мог позвать на помощь. Следовательно, который выезжал на место, не смог однозначно решить – сам собой этот лесовоз съехал, или им кто-то управлял. Дело было поздно вечером, свидетелей мало...

– Это где же случилось – в Подмосковье, что ли? – не утерпел и вставил вопрос Крячко. – И где это у нас такие места, где под Москвой лесоразработки ведутся?

– Вот и я тоже удивился, когда сам это услышал, – признался Орлов. – Только не под Москвой это все было, а гораздо дальше – в Пензенской области, рядом с трассой на Самару. Там, говорят, леса – что твоя тайга.

– И что же этот банкир там делал? – удивился Гуров. – На охоту, что ли, приехал?

– В том-то и дело, что не охотник он! – воскликнул генерал. – Все сослуживцы в один голос говорят, что никогда ни кабанами, ни зайцами не интересовался. И что он там делал – неизвестно. И это вторая загадка в этом деле. Но не последняя. Самое странное – то, что Арбенин стал вторым, погибшим на этом посту.

– Как это – вторым? – спросил Гуров.

– А так! Всего два месяца назад, в начале января, там же, в Пензенской области, погиб прежний глава этого банка, Сотский Кирилл Анатольевич.

– А как погиб? – нахмурившись, спросил Гуров. Он начал чувствовать, что дело, которое им предлагают, действительно необычное.

– Вот там никаких сомнений нет: убийство, – сообщил Орлов. – Сотского застрелил из карабина некий Луконин, мелкий бизнесмен из Самары. И мотив тоже известен: ревность. У Сотского, как выяснилось, был роман с женой этого Луконина. Ну, она это, правда, отрицает, но кто в подобных вещах признается? Да и не так это важно. Важно то, что у Луконина нашли карабин, из которого был сделан выстрел, и его опознали свидетели. Так что следствие тянулось недолго: убийца получил срок и уже этапирован в колонию куда-то за Урал. Так что к гибели Арбенина он не мог иметь отношения. И эти два эпизода выглядят между собой не связанными.

– Вряд ли они не связаны, – заметил Гуров. – Как мы знаем, подобные совпадения обычно кем-то хорошо организованы.

– Вот и наверху тоже так решили, – сказал Орлов. – А потому требуют разобраться с гибелью Арбенина как можно быстрее. И если это убийство, а не несчастный случай, найти виновных. Я своим приказом объединил оба эпизода – тот, январский, и вчерашний – в одно дело. Ты, Гуров, за него отвечаешь. Свяжись со следователем, который вел дело об убийстве Сотского. Если нужно – расследуй это дело по новой. Если еще какая помощь потребуется, обращай ко мне. Но чтобы результат был! На расследование вам дается неделя.

– Погоди, Петр, не ставь точку, давай запятой ограничимся, – заявил Гуров. – Ты прикинь: случилось все в Пензенской области, это сколько – 600 километров от Москвы или больше? Туда надо будет съездить и, возможно, не один раз. За неделю можно не успеть.

– Ничего, вы у нас ребята шустрые, баранку оба крутить умеете, – не согласился Орлов. – Так что постарайтесь успеть. Ну, может, еще пару дней накинуть могу, но больше – ни-ни. Наверху подгоняют. Если больше вопросов нет, приступайте.

– Есть еще один вопрос, – сказал Гуров, уже поднявшись с места. – Кому, интересно, досталось имущество Сотского и Арбенина?

– Понятный интерес, – заметил Орлов. – Сотский был человек очень даже состоятельный, один из самых богатых в нашей стране. И все его имущество перешло к вдове – Сотской Елене Брониславовне. Так что кое-какие подозрения относительно ее роли в этом деле у следствия возникли. Но у нее, как мне доложили, железное алиби: в день, когда убили ее мужа, была в Москве, сидела с ребенком. А что касается Арбенина, то он, напротив, человек небогатый, своего имущества у него было немного. Он скорее успешный менеджер. Ну хватит вопросов, за дело!

Глава 2

– Ну, и с чего ты думаешь начать? – спросил Крячко, когда они оказались в кабинете Гурова. По своей всегдашней привычке Стас развалился в кресле. По случаю весеннего дня на нем сегодня была рубашка какой-то особо легкомысленной расцветки.

– Надо ехать в Самару, это ясно, – заявил Гуров. – А по дороге заглянуть в этот злосчастный мотель. С чего это там за обычай такой сложился: банкиров заезжих убивать?

– Так ты считаешь, что это было убийство – ну, во втором случае? – спросил Крячко.

– А ты что, думаешь, что это особо изощренный способ покончить с собой? Встал, понимаешь, под горкой, потом столкнул лесовоз...

– ...А сам быстро успел добежать и сесть в машину, – закончил Крячко. – Да, это, конечно, ерунда. Но вдруг на самом деле несчастный случай?

– Прежде чем делать выводы, надо самому посмотреть, – сказал Гуров. – Я и выводы первого следствия собираюсь проверить. Прежде, конечно, встречу со следователем, кто вел это дело... вот у меня тут записано – Игорь Рузаев. Поговорю с ним, но потом все посмотрю сам.

– То есть, как я понимаю, свою роль ты уже определил, – заключил Крячко. – Отправляешься в командировку, в глухие пензенские леса. А мне ты что назначил?

– А ты, как знаток женских сердец, встретишься с безутешной вдовой и узнаешь ее версию событий, – ответил Гуров. – Ее алиби я под сомнение, конечно, не ставлю. Но интересно, знала ли она о похождениях своего мужа в провинции? Ведь если знала, убийство Сотского может предстать совсем в ином свете. Проверь весь ее круг общения, опроси сотрудников банка. Придется и финансовыми вопросами заняться: все ли было там в порядке у этих банкиров? Еще вот что интересно: в каких отношениях были оба погибших председателя совета директоров банка – Сотский и Арбенин? В общем, к моему возвращению надеюсь получить от тебя подробный доклад.

– Что ж, отправлюсь к вдове, – согласился Крячко вставая. – Хотя по части покорения женских сердец ты у нас тоже не на последнем месте. Одна Мария чего стоит. Все, молчу, молчу! Да, ты когда поедешь, табельное оружие все же не забудь. А то есть у тебя такая нехорошая привычка. В самый ответственный момент оказывается, что у него оружие в сейфе лежит.

– Так я же не на задержание банды еду, а тоже, как и ты, с женщиной беседовать, с женой Луконина, – ответил Гуров. – Да и в мотеле вряд ли какая опасность угрожает.

– Береженого Бог бережет, – изрек Крячко вечную истину. – Ты же сам говоришь: что-то с этим мотелем нечисто.

* * *

Игорь Андреевич Рузаев оказался энергичным человеком, которому еще не исполнилось сорока лет. Гуров с высоты своего возраста мог бы назвать его даже молодым, если бы не нестираемая печать усталости на лице сотрудника Следственного комитета.

– Убийство Сотского? – переспросил он, выслушав сообщение Гурова. – Как же, хорошо помню. Дело простое, с ним и сотрудники местного райотдела могли бы справиться. Так нет: нагнали оперативников из Москвы, меня от других дел оторвали... А вас-то оно почему заинтересовало?

– Дело в том, что преемник Сотского, новый председатель правления, тоже погиб, – объяснил Гуров.

– Вон оно как... – протянул следователь. – Интересно... Но какое отношение это может иметь...

– Вот наше руководство и хочет знать, какое отношение, – ответил Гуров. – И, похоже, не только оно. Так что давайте не будем размазывать кашу по тарелке. Вводите меня побыстрее в курс того дела.

– Что ж, давайте не будем, – согласился Рузаев. – Значит, так. Убийство произошло 10 января, между девятью и десятью часами вечера, неподалеку от мотеля «Над Сурой». Если точнее – в ста сорока метрах, на проселочной дороге, уходящей в сторону от шоссе. Все выглядело так, что Сотский пошел погулять, подышать воздухом и встретился с убийцей.

– А что он там делал, в этом мотеле? – спросил Гуров.

– По всей видимости, у него там было назначено свидание, – пояснил Рузаев. – Он снял комнату на двоих, ужин заказал – опять же на две персоны...

– И кто же эта вторая персона? Случайно не жена бизнесмена по фамилии Луконин?

– Я вижу, вы уже в курсе, – кивнул следователь. – Она самая. Служащие отеля опознали ее по фотографии. Да ее не запомнить трудно – красивая очень. Удалось установить, что Сотский с этой красоткой встречался в мотеле по крайней мере трижды. Первая встреча состоялась где-то в середине октября.

– А почему так приблизительно? – удивился Гуров. – У них же есть журнал регистрации, по нему все сразу видно.

– Эх, Лев Иванович, это по вашим словам сразу видно, что вы редко путешествуете на дальние расстояния, – покачал головой Рузаев. – Кто же в наше время все записывает в журнал? Это вам не какая-нибудь «Астория». Да и там можно договориться с администратором, если не хочешь лишней огласки. А уж в глухом мотеле... Как говорится, меньше пишешь – меньше платишь. В этом самом мотеле фиксировали едва ли половину всех постояльцев. То же самое и с Сотским. В первый раз он вообще никак не записывался, во второй – это уже в ноябре – зафиксировано, что он был один. В третий раз, это было под Новый год, они с этой дамой решили внести разнообразие и записались как супруги Блажновы. Я этот мухлеж весь установил и в деле зафиксировал, так что хозяину пришлось платить штраф за обман налоговых органов.

– Ладно, будем считать, что со сбором налогов мы разобрались, – сказал Гуров. – Теперь разберемся с убийством.

– Хорошо, – согласился следователь. – Итак, убийца ждал Сотского на дороге и стрелял с близкого расстояния, с тридцати метров. С такого расстояния даже неопытному человеку трудно промахнуться. Вот и Луконин не промахнулся: попал прямо в сердце, так что второго выстрела не потребовалось.

– Про Луконина, как вы на него вышли, чуть позже, – сказал Гуров. – А как установили расстояние? Он что, наследил там, пока стоял? Отпечатки подошв, окурки...

– Нет, этого не было, – признался Рузаев. – Дорога, хотя и проселочная, но сильно накапанная, так что следов никаких не осталось. И не курил он. А вот гильзу от патрона не подобрал. По ней и установили место, откуда был произведен выстрел.

– Это он неаккуратно, – покачал головой Гуров.

– Да уж, – согласился следователь. – Волновался очень, как видно.

– Неужели выстрел не слышали в мотеле? – спросил Гуров. – Ведь это совсем близко, должны были слышать.

– Тут надо пояснить, что этот мотель собой представляет, – ответил Рузаев. – Он, хотя и называется «Над Сурой», стоит довольно далеко от реки. Трасса на Самару переходит через реку в двухстах километрах от этого места, там есть другой мотель, который называется «Лесная сказка». А здесь – сплошной сосновый лес, а в нем участки лесозаготовителей, а чуть дальше – охотничий заказник. И останавливаются здесь или проезжие, кто не успел добраться до Пензы или до Самары, кому куда нужно, или охотники, приехавшие пострелять. Так что к выстрелам тут привыкли и внимания особого на них не обращают. И этот выстрел, конечно,

слышали, но не придали значения. Мне удалось установить свидетелей, которые его слышали. Их показания подтвердили время убийства, которое нам до этого назвал врач, я вам о нем уже говорил.

– Да, помню: между девятью и десятью вечера, – подтвердил Гуров. – А тело когда нашли?

– Около одиннадцати. У одной служащей мотеля, Клава ее зовут, была романтическая встреча с приезжим парнем, из Кузнецка. Они гуляли по той самой дороге и наткнулись на труп. Они сообщили в мотель, а оттуда уже вызвали милицию.

– Что ж, тут более или менее ясно, – сказал Гуров. – Давайте теперь о Луконине. Как на него вышли? Он что, останавливался у них?

– Нет, в этот раз не останавливался, – покачал головой Рузаев. – Но раньше бывал. И служащие мотеля его запомнили. Он появился у них в декабре, вскоре после того как там побывал Сотский с его женой. В регистратуре он в тот раз изложил такую легенду: якобы он договорился с друзьями здесь поохотиться, да вот забыл, когда именно. Не было ли здесь вот таких-то? И описал свою Катю. Ну регистраторша и сказала, что была всего неделю назад с солидным таким товарищем. Луконин все это с мрачным видом выслушал и укатил.

– Ладно, а в январе?

– В январе он повел себя иначе. Операторша с бензозаправки видела, как «Хендай» с самарскими номерами (как мы потом установили – его машина) медленно проехал мимо них. Она еще обратила внимание – что это он так крадется, словно не знает, надо ему останавливаться или нет. В конце концов он остановился, немного не доехав до мотеля: не на основной площадке, где гости свои машины оставляют, а там, где начинался расчищенный участок дороги. Сами понимаете: зима – не лето, в любом месте на дороге не встанешь. В самом мотеле его не видели, он там не появлялся. Но его видел еще один человек – вальщик леса с местного участка. Он как раз возвращался в свой «полевой стан», как они его называют, – они живут в километре от трассы в вагончиках – когда встретил на проселке незнакомого человека. Хотя была ночь, но луна светила ярко, так что этот лесоруб незнакомца разглядел и запомнил, а потом, когда мы попросили, уверенно опознал. В общем, двух суток нам хватило, чтобы на него выйти. А уж когда мы увидели его жену и нашли карабин, вся картина стала ясной как божий день. Ну тогда и он заговорил.

– Что, во всем признался?

– Нет, не совсем. Луконин признался, что был в мотеле, и приехал туда с карабином в багажнике и с твердым намерением убить Сотского. А такое преступное намерение у него возникло после того, как ему стало известно об измене жены. Но в последнюю минуту, по его утверждению, он передумал, зашвырнул карабин обратно в багажник, прошелся по лесу – ну, вроде как остыть – и уехал. Ничего себе сказка, верно?

– Да, выглядит неубедительно, – согласился Гуров. – Хотя разные бывают варианты. А что его жена – кажется, ее Катей зовут? Она там была в момент убийства?

– Нет, ее не было, – заявил Рузаев. – Так что третье свидание у них с Сотским не состоялось. Не доехала она до мотеля, опоздала. А организовал это опоздание сам Луконин.

– Каким же образом?

– Ну он же автомеханик, так что устроить задержку ему труда не составило. Сначала у жены оказалось спущено колесо. Пока доехала до ближайшей монтажки, пока заменила... А потом мотор греться начал. Опять поиски СТО, остановка... В общем, добралась она до мотеля лишь к одиннадцати часам, когда Сотского уже не было в живых.

– А Луконин? Он где был в это время?

– Наш «Отелло» был уже в пути назад, домой. Жену он дожидаться не стал: как позже объяснил на следствии, боялся, что не удержится и учинит самосуд. Так что они разминутись на трассе.

– Что ж, в общих чертах картина ясна, – заключил Гуров. – Вы мне подготовьте список свидетелей, кто давал самые важные показания, я через часок заеду, заберу. И копию обвинительного заключения тоже.

– Можно не заезжать, – усмехнулся Рузаев. – Я такую просьбу предвидел, так что и копия, и список уже готовы. Вот, пожалуйста.

– Это здорово, – с уважением произнес Гуров, принимая у Рузаева список. Заглянув в него, он обнаружил там 16 фамилий с указанием мест работы, адресов и телефонов.

– Выходит, не только у вас в главке работать умеют, мы тоже кое-чему научились, – заявил Рузаев, довольный впечатлением, которое произвел на знаменитого «важняка».

Из Следственного комитета Гуров направился сразу домой: надо было как следует подготовиться к завтрашней поездке, а заодно внимательно изучить обвинительное заключение. Однако, попав к себе в квартиру, он первым делом позвонил в пензенское ГУВД, представился и попросил связать его с человеком, который выезжал на место гибели Арбенина. Выяснилось, что оперативника зовут Петр Канавин, и сейчас майор Канавин находится на задании. Гуров объяснил, что завтра к обеду рассчитывает быть в Пензе и хочет побеседовать с майором. Так что большая просьба – не отправлять его далеко от Управления. В Пензе заверили, что просьбу знаменитого сыщика исполнят в точности и майор будет ждать его.

«Ну, может, этот майор расскажет что-нибудь важное, что не сообщил Орлов, – подумал Гуров, раскладывая на столе в кабинете листы обвинительного заключения и рядом, под рукой, список свидетелей. – А то пока ничего не вырисовывается. Путаное какое-то дело. Точнее, оба дела. Первое, что-то подозрительно ясное – действительно «Отелло», последний акт, и все тут. А второе, наоборот, слишком темное. Кстати, насчет темноты. Выхать надо будет пораньше, еще затемно, иначе не успеть».

Глава 3

Гуров никогда не мог забыть о чем-то намеченном, проспять или опоздать – эту его обязательность знали все, с кем ему довелось работать. Вот и в этот раз еще затемно его серебристый «Пежо» выкатился со стоянки, проскочил Садовое кольцо – эту камеру пыток водителей в дневные часы, – а затем благополучно миновал кольцевую. В первый раз Гуров остановился уже за Рязанью, посетив придорожное кафе. А к двум часам он уже подъезжал к Пензе. Изученный накануне план города оказался точен, и вскоре, лишь немного поплутав на узких улицах, прилегающих к Суре, он уже парковал машину возле здания ГУВД.

Канавин оказался крепким осанистым мужиком, и возрастом, и ростом лишь немного уступавшим Гурову. Чувствовалось, что он немного робеет перед известным столичным сыщиком, но при этом держался оперативник с достоинством, чем сразу расположил Гурова к себе. Однако его рассказ о гибели Арбенина разочаровал: никакой ясности после него у Гурова не появилось, наоборот, прибавилось вопросов.

Глеб Арбенин погиб в точности в то самое время и почти в том же месте, что и его предшественник. Правда, в этом случае время смерти удалось установить с точностью до минуты. Проходившая по двору мотеля горничная Зина Ломакина услышала звук сильного удара, хруст, звон стекла. Согласно показаниям горничной, она решила, что это на шоссе столкнулись машины, и выбежала на пятачок перед въездом в мотель, откуда просматривалась дорога в обе стороны. Однако никаких столкнувшихся машин она не увидела. Тогда горничная сообразила, что звук удара доносился скорее слева, где от шоссе отходила дорога в сторону райцентра. Однако любопытство горничной Ломакиной оказалось не таким сильным, чтобы идти по холоду (начало марта выдалось на редкость морозным) почти двести метров, и Зина вернулась в мотель, где и рассказала об услышанном регистраторше Лиде Подлесной. Та взглянула на часы – они показывали без десяти минут десять – и заметила, что автобус из райцентра уже прошел, так что если что и случилось, то с каким-нибудь частником. После чего она разыскала сторожа, а по совместительству – дворника и слесаря мотеля Лешу Попова и велела сходить на районную дорогу, посмотреть, что там случилось. Сторож вернулся не скоро, причем так волновался, что не сразу мог дать вразумительное объяснение тому, что он увидел. В общем, стало ясно, что произошло не рядовое ДТП, а нечто чрезвычайное. Теперь уж и сама Подлесная, и горничная Ломакина в сопровождении хозяина мотеля Геннадия Васильева отправились на место происшествия.

Там их глазам предстала действительно страшная картина: тяжело груженный лесовоз, съехав с пригорка, смял дорогую иномарку, словно пустую консервную банку. На снегу под машиной расплывалось темное пятно. Когда посветили фонарями, увидели, что там машинное масло смешалось с кровью. В кабине машины, вдавленный грудью в руль и приборную доску, лежал высокий представительный мужчина. Поскольку удар пришелся сбоку, подушка безопасности на иномарке не сработала. А вот кабина лесовоза была пуста, и водителя нигде видно не было.

Работники мотеля, зная всех в округе, сразу определили, чей это лесовоз. «Да это Генки Шувалова машина!», – закричала Зина Ломакина. – «А Генка сам где?» Хозяин мотеля со своего сотового тут же вызвал милицию и «скорую». А пока оперативники не прибыли, люди своими силами организовали поиски водителя лесовоза. Долго искать, впрочем, не пришлось: Гена нашелся в своем вагончике на лесозаготовительном участке. Согласно его показаниям, накануне он после окончания трудового дня встретил друзей из Качима, они взяли пол-литра, потом добавили еще, и как он добрался до своего вагончика, водитель уже не помнил. Зато уверенно говорил, что после окончания рабочего дня он машину заглушил и, как всегда, поставил на передачу – зимой он, как и остальные водители лесхоза, ручником никогда

не пользовался. Кабину запер и ключи, ясное дело, забрал с собой. Между тем первое, что увидел майор Канавин, прибыв на место происшествия, была связка ключей, висевшая в замке зажигания, и рычаг передач, стоявший на нейтралке.

Прибывшие оперативники с помощью спасателей, имевших специальный инструмент, извлекли из легковушки мертвого водителя. Документы были при нем, и тогда стало известно, что погибший – председатель совета директоров банка «Амальгама» Глеб Арбенин.

Оставалось непонятным, что заставило недавно занявшего свой пост главу столичного банка отправиться в пензенскую глушь. О своей поездке он никому не сказал, в банке думали, что шеф находится где-то на деловых переговорах. В мотеле Арбенин не регистрировался и не появлялся: по крайней мере, ни его, ни его машину служащие не опознали. Правда, одна из дежурных Клава Горюнова заявила, что месяца два назад, еще до Нового года, «вроде подходил к ней как-то похожий гражданин, но тот был, кажись, старше». Однако это показание больше ничем не подтверждалось.

Но самое главное – так и не удалось установить, управлял ли кто-либо проклятым лесовозом, или он съехал с горы сам по себе. Гена Шувалов управлять им не мог: допрос свидетелей, видевших водителя тем вечером и ночью, подтвердил его показания. Получалось, что в момент столкновения водитель уже спал в своем вагончике. Напрашивалось предположение, что кто-то неизвестный стащил у водителя ключи, тронул тяжелый лесовоз с места и направил прямо на машину Арбенина. А затем, уже после столкновения, аккуратно выключил мотор и покинул кабину, не забыв стереть отпечатки пальцев: никаких иных отпечатков, кроме водителя Шувалова и его сменщика Кости, в кабине обнаружено не было. Однако все служащие мотеля дружно утверждали, что никаких незнакомых людей, кроме тех, кто проживал в тот момент в мотеле, поблизости не видели.

Разумеется, всех этих постояльцев допросили, но этот допрос ничего не дал: было ясно, что никто из них не причастен к гибели столичного банкира.

– Я, товарищ полковник, там всего один день и поработал, – виновато развел руками Канавин. – Осмотрел место происшествия, допросил этого Шувалова, взял с него подписку о невыезде, с девушками из мотеля поговорил, с постояльцами – вот и все. Собирался продолжить, но тут от начальства поступила команда собрать все материалы и передать товарищу из Москвы. Вот я вам и передаю, – и он вручил Гурову не слишком толстую папку. – Не ругайтесь, что не очень много успели.

– Ладно, не буду, – заверил Гуров. – Ты лучше скажи, я до этого мотеля успею засветло добраться? И как там дорога: проехать можно?

– Засветло вряд ли успеете: тут больше двухсот километров, да еще из города выбраться надо, – покачал головой Канавин. – А проехать тут хоть на «Ягуаре» можно – у нас в области дороги вообще хорошие, а эта особенно – все же федеральная трасса.

– Тогда не буду терять времени и отправлюсь на место происшествия, – сказал Гуров. – Посмотрю, что это за лесовоз такой, что сам собой на банкиров скатывается. Он где стоит – там же, на дороге?

– Нет, мы его оттащили на площадку возле мотеля, – сообщил Канавин. – Там за ним какой-то пригляд. Я хозяину, Васильев его фамилия, строго наказал: глаз с этой машины не спускать, и чтобы никто по ней не лазил, рычаги не дергал. И ключи от машины у него. Этот Васильев, хотя налоги не полностью платил и потому от следствия пострадал, все же мужик ничего: в Афгане служил, потом вахтовиком был в Тюмени, так что на свой мотель деньги честно заработал. В целом, думаю, на него можно положиться. Или неправильно я сделал, надо было лесовоз сюда, в Пензу везти?

– Нет, все ты правильно сделал, – заверил Гуров Канавина. – А легковушка покалеченная где?

– Ее сразу ваши коллеги из Москвы забрали и увезли, – сообщил оперативник.

Получив эти объяснения, Гуров сел в свой «Пежо», еще раз сверился с картой и покати́л на восток, в сторону мотеля «Над Сурой».

Майор Канавин оказался прав: хотя дорога в сторону Самары была широкой и очищенной от снега, засветло Гурову добраться не удалось. Уже и закат догорел, и ночь настала, а он все ехал по сплошному сосновому лесу. Огромные сосны подступали к самой дороге, их вершины загораживали небо, так что молодой месяц едва было видно среди ветвей. Гуров поехал медленнее: боялся пропустить мотель. Но вот после очередного поворота на придорожном столбе блеснула вывеска: уютный домик с дымком над крышей и надпись «Над Сурой». Рядом виднелись цифры «100».

Гуров миновал еще один поворот и наконец увидел место, где случилось столько трагических событий. Мотель представлял собой простенький, без причуд, двухэтажный дом. С одной стороны к нему примыкали постройки, которые проще всего было назвать сараями, а с другой находилась автостоянка, а за ней – заправка. На стоянке среди десятка легковушек, как слон среди овец, высился лесовоз. Ясно было, что это тот самый, что протаранил машину Арбенина.

Гуров поставил свой «Пежо» на свободное место, глянул на смятый передок лесовоза – сыщицкий зуд подталкивал сразу осмотреть важнейший вещдок – однако затем передумал и открыл массивную дверь мотеля.

В холле было тепло и уютно. Слева, из открытых дверей ресторана, доносились аппетитные запахи. Справа высилась стойка регистратора. Туда Гуров и направился.

– Добрый вечер! – приветствовала его женщина за стойкой. Косметикой она не пользовалась, да это и не требовалось: здоровый румянец и чистая кожа украшали ее лучше всяких «шанелей». При виде ее вспоминались строчки о красавице, что готова останавливать коней и бороться с пожарами.

– Ночевать у нас будете? – приветливо продолжала между тем регистраторша.

– Буду, куда ж я денусь, – в тон ей ответил Гуров. – Думал до Самары доехать, да устал что-то.

– До Самары? – переспросила женщина за стойкой. – Да зачем же в ночь так далеко ехать? Самара – это ж вона где! – и она махнула рукой, показывая в ту сторону, где находилась далекая Самара; взмах был такой силы, что по холлу аж ветер прошел.

– Уставшему человеку незачем такие концы заворачивать, – назидательно продолжала женщина, открывая книгу регистрации. – То ли дело – отдохнуть с дороги, откусать – а у нас нынче и пельмени своего приготовления, и расстегаи... Определяю я вас, пожалуй, в восьмой номер, он как раз освободился. Давайте ваш документик, сейчас я вас запишу.

– Вот мой «документик», – сказал Гуров, вместе с паспортом протягивая ей удостоверение. – А вот интересно, человек, которого тут у вас два месяца назад застрелили – он в каком номере останавливался, случайно не в восьмом?

Полковник Гуров сталкивался с разной реакцией людей на предъявляемое им милицее́ское удостоверение. Чаще всего ответом была некоторая настороженность, вкупе с испугом. Однако его сегодняшняя собеседница оказалась не из пугливых. Внимательно прочитав удостоверение, она с интересом взглянула на Гурова и сказала:

– Значит, и вы по этому делу к нам приехали? Да уж, прославились на всю Россию, не приведи Господь! Тут и газетчики приезжали, и с камерами, с телевидения местного снимали. Ну они в первую очередь Клавдию снимали: она у нас первая красавица, а потом, это ведь она тогда убитого-то нашла. Вы, наверное, тоже с ней захотите поговорить.

– И с ней, и со всеми остальными, – заверил ее Гуров. – А вас как зовут?

– Лида я, – представилась регистраторша. – Фамилия Подлесная.

– А, так это вам Зина Ломакина первой сказала о том, что слышала звук удара? – спросил Гуров.

– Так это ж совсем другой случай! – всплеснула руками хозяйка холла. – И чего их ровнять: там в человека стреляли, злодейский умысел, значит, а тут просто несчастье. Тут путать не надо!

– Не буду путать! – твердо пообещал Гуров суровой регистраторше Лиде. – А скажите, эту вашу красавицу Клаву, что вместе со своим парнем первой обнаружила тело убитого, можно будет увидеть?

– Чего ж нельзя? – отвечала Подлесная. – Она у нас приезжая, здесь живет. А вон в том крыле, там для персонала три комнаты выделено. Да я вас провожу, чтоб неловко не было.

– Весьма вам признателен, – ответил Гуров. – Только я сначала все же расположусь, да и поужинаю заодно, хорошо?

– Конечно, что ж это я! – опять взмахнула руками эмоциональная Лида, досадуя на свою невнимательность. – Отдыхайте, кушайте – а там и делом можно заняться. Вон он, ваш номер, вон в том крыле. Да, ведь вы еще спросили, не тот ли он самый, где, значит, останавливались. Так я вам скажу: нет, совсем не тот. Этот, убитый то есть, он же двухместный снимал, чтоб свидание устроить. А двухместные у нас все на втором этаже. Если вам интересно, я вас потом проведу, покажу. Он сейчас пустой стоит – на двухместные спрос небольшой.

– Хорошо, посмотрю и двухместный, – ответил Гуров, несколько утомленный от общения с услужливой регистраторшей. – А сейчас мне хватит и своего.

Как видно, Лида Подлесная отличалась общительностью не только с приезжими полковниками милиции. Поскольку, когда Гуров, переодевшись, появился в ресторане и сделал заказ, к его столику подошел крепкий рыжеватый мужчина средних лет, чем-то неуловимо напоминавший Гурову пензенского майора Канавина.

– Васильев, – представился он. – Геннадием Николаевичем меня зовут. Я хозяин этого мотеля. А вы, значит, из Москвы?

– Да, приехал разбираться с вашими здешними происшествиями, – ответил Гуров. – Да вы садитесь. Может, поужинаем вместе? Порекомендуете мне, что тут у вас стоит заказать.

– Конечно, давайте посидим, – согласился хозяин. – А есть у нас все можно, все свежее, качественное. Вы как к пельменям относитесь?

– С большим уважением, – признался Гуров.

– Вот давайте их и закажем, – предложил Васильев. – А выпить? У нас и водка, и коньяк есть.

В другое время Гуров, пожалуй, выпил бы стопку «Смирновской». Однако, учитывая, что ужин будет проходить за беседой с одним из важных свидетелей (а может, и не только свидетелей), выпивку следовало отставить в сторону. О чем он Васильеву и сообщил. Хозяин не стал настаивать, уговаривать, предлагать выпивку за свой счет, чем вызвал невольное расположение полковника.

Когда оба отдали должное пельменям и перешли к чаю, Гуров заметил:

– У вас очень эмоциональная женщина на регистрации работает. Она как услышала, что я сравниваю оба случая гибели людей возле вашего мотеля, так сразу возмутилась. Дескать, во второй раз был несчастный случай, а не убийство. А вы как думаете?

– Я думаю, ваше руководство правильно поступило, что направило сюда сыщика такого уровня, – твердо заявил Васильев.

– Это почему же?

– Потому что и второй случай неясный, и первый, на мой взгляд, не до конца расследован, – ответил хозяин мотеля.

– Давай-ка подробнее, – предложил Гуров. – И знаешь что? Раз с ужином мы покончили, давай перейдем в твой кабинет, что ли. Лишние уши нам ни к чему.

Они проследовали в маленький кабинет Васильева, располагавшийся в левом крыле мотеля – том самом, где были отведены комнаты для персонала. Хозяин предложил Гурову свое кресло, а сам устроился на стуле.

– Ну теперь давай рассказывай все, что знаешь, – потребовал полковник. – И начнем, против правила, с конца. Ты что же, не считаешь, что это был несчастный случай?

– Да непохоже что-то, – заявил Васильев. – Во-первых, как это мог лесовоз сам тронуться с места? Какой бы там этот Генка Шувалов не был (а о нем еще будет отдельный разговор), не мог он оставить машину на нейтралке, ну просто не мог! Это ведь даже не привычка – у водителя со стажем это инстинкт! А если машина стоит на скорости, стронуть ее с места не так просто. Сначала надо залезть в кабину, а для этого надо иметь ключи.

– Ну, ключи у водителя могли украсть, – заметил Гуров. – Или изготовить дубликат.

– Да, это можно, – согласился Васильев. – Но это ведь только половина дела. Надо еще снять лесовоз со скорости. А это для непривычного человека, тем более в темноте, сложная задача. Ведь у погрузчика коробка скоростей совсем другая. Шувалов мне сказал, что всегда ставил машину на заднюю скорость – так, дескать, надежнее. Не знаю, надежнее или нет, но только снять с нее труднее – это факт. Ведь у лесовоза задняя расположена по-иному, чем у легковушки – что с передним приводом, что с задним.

– Ладно, с передачей разобрались, – согласился Гуров. – Давай двигай дальше.

– А дальше – дорога, – заявил хозяин мотеля. – Тот самый проселок, по которому лесовоз на этого мужика скатился. Вы его видели?

– Нет еще, – признался Гуров. – Я же только что приехал, не успел даже вокруг обойти.

– Так вы сходите, посмотрите на эту дорогу, – посоветовал Васильев. – Там от точки, где лесовоз стоял, до места столкновения – около ста метров. И на этих ста метрах – два поворота. Даже если он сам с места тронулся, как он мог эти повороты миновать? Тем более лесовоз был не пустой – загруженный под завязку. Там не меньше десяти тонн бревен было. Такую махину только умелый шофер на повороте удержит. А уж поверить, будто она сама собой поворачивала – это уж, извините, сказки.

– Выходит, им кто-то управлял? – спросил Гуров.

– Получается, что так, – заключил Васильев.

– Что ж, это моя работа – в таких задачках разбираться, – заявил Гуров. – Это мой курятник, как-нибудь решим. А по первому эпизоду что хочешь сказать? Разве там следствие не все раскопало?

– Там, конечно, искали лучше, чем сейчас, – признал хозяин мотеля. – Но все же в сторону не раз отвлекались, а это, сами понимаете, не на пользу делу. Этот капитан, который дело вел...

– Рузаев?

– Да, он самый. Так обрадовался, когда мою двойную бухгалтерию разоблачил... Словно в стоворе с преступником меня уличил. Хотел меня под статью подвести, да сумма ущерба оказалась незначительной, так что оплатил я штраф, на этом все и закончилось. И такая досада тогда меня взяла...

– Постой, – остановил собеседника Гуров. – Что ты мне жалуешься? Надеешься, что пожалею? Не разбегайся – прыгай. Если есть что существенное сказать – говори.

– Сейчас и до существенного дойду, – усмехнулся Васильев. – Значит, взяла меня тогда досада на этого капитана, и не стал я ему пересказывать, что слышал от одного постояльца. Вот вам сейчас могу рассказать. Интересует?

– Да не тяни ты! – возмутился Гуров. – А еще «афганец»? Что тебе рассказали?

– Этот постоялец, Попов его фамилия, жил на втором этаже в 15-м номере, – начал рассказывать хозяин кабинета. – Окна у него выходят на задний двор. И вот где-то около десяти собрался он ложиться спать. А перед тем как лечь, выглянул в окно. И увидел, как вдоль ограды

по тропочке идет какой-то человек в светлой курточке. Идет и несет в руке какую-то палку. То есть это Попову вначале показалось, что палку. Ну, он увиденному никакого значения не придал – мало ли что, идет себе человек и идет, а что не по двору, а задами, так может, ему так короче. Но наутро, когда он узнал об убийстве, он то, что накануне видел – вспомнил, нашел меня и рассказал. Следователю не успел: человеку этому пора ехать было, а бригада следователей еще не приехала. А он, постоялец этот, решил, что раз видел он человека в то примерно время, когда случилось убийство, то это может иметь важное значение. Вот и я так решил, а потому вам сейчас все это и рассказываю.

– А почему ты думаешь, что этот человек мог иметь отношение к убийству? – спросил Гуров. Спросил, правда, скорее в надежде услышать еще какие-нибудь подробности: сам он уже сделал выводы из услышанного рассказа.

– Ну как же, товарищ полковник! – воскликнул хозяин мотеля. – Во-первых, куртка эта светлая. Я внимательно расспросил и Ольгу Бирюкову – она в тот вечер а регистратуре дежурила, и Клаву, которая номера убирала, в общем всех. И выяснилось, что никто из тех, кто в ту ночь у нас ночевал, ничего светлого не носил. Ну а местные тем более: будете с ними разговаривать, сами увидите – почти все в ватниках или куртках камуфляжных ходят. Так что это был человек явно посторонний, и откуда он взялся, неизвестно. А второе – эта самая палка. Ну что за палку может человек среди ночи в руке носить? Ладно еще местный – можно подумать, что это топориче или ручка от лопаты. Ну а приезжему это к чему? А если это была не палка, то следует заключить – что?

– Ход мыслей понятен, можешь не продолжать, – сказал Гуров. – Значит, ты считаешь, что этот твой приезжий видел из окна убийцу... И больше этого человека никто не видел, а потому все подозрения пали на Луконина. А может, это Луконин и был?

– Нет, это не он, – покачал головой Васильев. – Я же был на опознании – ну когда требовалось узнать человека, который был у нас в декабре. Тогда я этого Луконина видел и в общем запомнил. А тогда, на опознании, еще и специально спросил у следователя, в какой одежде Луконин приезжал в марте. Мне ясно сказали: в темно-синей куртке.

– Ясно... – задумчиво сказал Гуров, думая над тем, что услышал от хозяина мотеля. – А ты адрес этого наблюдательного постояльца Попова записал?

– А как же! – воскликнул Васильев. – И адрес, и телефон. Да он наш, пензенский, так что найти его нетрудно будет.

– Что ж, надо будет – найдем, – пообещал Гуров. – Слушай, а можно твой кабинет часок использовать для пользы следствия? Если бы ты по очереди пригласил сюда всех, кто что-то знает по убийству Сотского, а потом тех, кто мог что-то видеть во время гибели Арбенина, то очень бы помог.

– Арбенин – это тот, кого в машине раздавило? – уточнил хозяин мотеля. – Хорошо, всех по очереди приглашу. С кого начать – с Лиды?

– Нет, с Лидой Подлесной я, пожалуй, наговорился, – заявил Гуров. – Ты лучше пригласи эту вашу красавицу Клаву – ту, что первой тело Сотского обнаружила. Потом есть у вас еще такая Зина Ломакина... Ну, и дальше вот по этому списку, – и он передал Васильеву список, составленный капитаном Рузаевым.

– О, тут и я есть! – воскликнул бывший вахтовик, разглядывая бумагу. – Ну, я вам сегодня уже не потребуюсь... Хорошо, всех приглашу. Только вряд ли вам для этого часа хватит.

Хозяин мотеля оказался прав. Прошло не меньше двух часов, прежде чем Гуров опросил последнего свидетеля. Его блокнот был полон записей и выведенных на поля вопросов. В отдельную группу были собраны те вопросы, которые предстояло завтра задать жене Луконина – той самой Кате, из-за которой московский банкир отправился в пензенские леса, где и встретил свою смерть. Еще одну группу записей составили показания, касавшиеся самого Луконина. Оказалось, что в вечер убийства его видели в мотеле четыре человека, причем один

– оператор бензозаправки Настя Соловьева – дважды. Гуров решил, что позднее внимательно разберется в этих показаниях, сопоставит их с тем, что расскажет жена Луконина Катя – и уже тогда будет делать выводы по первому эпизоду.

Когда наконец кончился допрос, Гуров, не дав себе и десяти минут отдыха, отправился во двор – осматривать лесовоз. Он залез в кабину, попробовал коробку передач. Переключалась она действительно туго, человек, привыкший лишь к послушному рычагу иномарок, с ней бы долго возился. Затем Гуров обошел вокруг мотеля, прошел до дороги на райцентр, поднялся на пригорок, откуда скатилась тяжелогруженная машина. Здесь, стоя под вековыми соснами, он выкурил сигарету, чувствуя, как распухшую за день голову наполняет звенящая пустота.

– Все, на сегодня хватит! – твердо сказал он сам себе. Однако не удержался: напоследок, уже возвращаясь в мотель, прошел по едва заметной тропке, которая шла по задкам гостиницы. Тропка была, прямо скажем, некомфортная: местные собаки часто справляли здесь нужду, снег был грязный. Трудно было представить, что заезжий человек без большой нужды пойдет этой дорогой. Если постоялец, рассказавший о своем наблюдении хозяину мотеля, не врал, то кто был этот человек в светлой куртке и что он делал в поздний час на этой грязной тропке? С девушкой гулять тут уж точно не будешь...

Одолеваемый этими мыслями, Гуров едва добрался до своей постели, кое-как разделся и забрался под одеяло. Засыпая, он думал том, что завтра надо правильно построить беседу с этой Катей, не дать ей закрыться. От ее показаний многое зависит, очень многое...

Глава 4

С Катей Лукониной Гуров связался по телефону, пока стоял на заправке где-то под Кузнецком. На звонок ответил приятный, немного низкий женский голос. Гуров представился, объяснил, что послан проверить все обстоятельства, связанные с гибелью двух банкиров.

– Мне необходимо с вами встретиться, – сказал он своей собеседнице. – Я бы предпочел это сделать у вас, но если вам неудобно, я расположусь в вашем областном ГУВД, и вызову вас туда повесткой.

– Зачем же повесткой? – в голосе собеседницы явно проскользнула ирония. – Мне скрывать нечего. И дети не помешают – не обзавелись мы с Димой ими. Так что приезжайте. Адрес знаете? Не запутаетесь?

– И адрес знаю, и не запутаюсь, – пообещал Гуров.

Правда, выполнить это обещание оказалось не так просто: он не сразу разобрался в переплетении самарских улиц, прилегающих к здешнему авиационному институту; на одной из них и жила Катя. Наконец он притиснул свой «Пежо» на свободный пятячок на тротуаре, отыскал нужный подъезд и поднялся на шестой этаж.

Гуров не страдал от нехватки женской красоты в своем окружении: одна жена, красавица-актриса Мария Строева, чего стоила. Однако и он воскликнул про себя: «Ох ты!», когда Катя Луконина открыла ему дверь и он впервые ее увидел. Она и сейчас была красива, и было понятно, что в юности была еще красивее и легко кружила головы мужчинам.

Они прошли в зал обычной трехкомнатной квартиры. Гуров вынул диктофон, демонстративно поставил его на стол: чтобы была ясность, и никаких недомолвок – у них здесь не приватная беседа, а официальный разговор, который является частью следствия.

– Чтобы нам с вами не ходить вокруг да около, – начал он, – давайте сразу договоримся: будем говорить только правду и только то, что относится к делу. Не надо врать, как вы делали на первом допросе, утверждая, что встречались с Сотским всего один раз. И лучше вообще начать с самого начала – с того, как вы с ним познакомились, где и сколько раз встречались. Мне кажется, следствие тут не все выяснило.

– Мне кажется, вы сами себе противоречите, – ответила Катя. Сейчас, при очном общении, ее голос не казался таким низким. – Да, простите, я не совсем запомнила, как вас зовут...

– Лев Иванович, – напомнил Гуров.

– Так вот, Лев Иванович, тут одно с другим не сходится. Если я, как вы просите, буду рассказывать историю наших встреч с Кириллом с самого начала, то это ну никак не будет относиться к делу – а это ваше второе требование. Впрочем, как хотите.

Она устроилась поудобнее, повернулась к окну – словно именно там могла увидеть свое прошлое, о котором предстояло рассказывать, – и начала говорить.

– Значит, вы хотите знать, когда мы с Кириллом познакомились, где и сколько встречались? На то, чтобы все это рассказать, целого дня не хватит. Потому что знакомы мы чуть ли не с детского сада. А уж с первого класса – точно.

– Вы вместе учились? – переспросил Гуров. В деле об этом важном обстоятельстве не было ни слова.

– Ну да, здесь, в Самаре, – ответила Катя. – А вы что, не знали? Он здешний, потом уже в Москву переехал. Так вот, знакомы мы были давно и встречались бесчисленное множество раз. Но встречи у доски вас, вероятно, не интересуют. Хорошо, перейдем сразу к более интересной части. Я была, как вы можете догадаться, самой красивой девчонкой в классе, да и во всей школе, а он – самым интересным мальчишкой. Нет, не красавчиком – со внешностью у него как раз были проблемы. И не круглым отличником. Просто он хорошо умел чувствовать все

новое и был очень талантлив. Если бы захотел, мог бы, наверное, стать ученым-математиком. Но не стал. И во многом – из-за меня. Но обо всем по порядку.

В общем, в девятом (это по-нынешнему десятый) классе началась у нас любовь. И сразу по-взрослому: с полной близостью, с разговорами о создании семьи, о приобретении своей квартиры... И его, и мои родители жили бедновато. Да и время было такое – начало девяностых. Кое-кто, конечно, тогда богател, но таких были единицы. В общем, на свой угол надо было зарабатывать. Я мечтала стать модельером, причем прославленным – таким, чтобы в мою одежду одевались знаменитости. Ну, на худой конец дизайнером, ландшафтным архитектором – очень мне парки нравились. Сами понимаете, с такими мечтами много не заработаешь. Так что вся надежда была на Кирилла. Он в одиннадцатом классе выиграл несколько олимпиад, и у него было на руках направление в московский физтех – мечту многих. И он хотел ехать учиться... Но тогда надо было расстаться со мной. Он не колеблясь выбрал меня. Тогда я этому радовалась... Ах, какая дура! Если бы можно было вернуть...

Она на минуту замолчала, опустив голову на руки. Гуров не знал, что делать. Пока он подбирал слова утешения, Катя справилась с собой, ладонью вытерла слезы и продолжила рассказ.

– В общем, он остался в Самаре и стал искать, где заработать деньги. Собственно, путь был ясен. Он еще в школе хорошо освоил компьютер, научился составлять программы. А программы – от простых бухгалтерских до максимально сложных – требовались во все большем количестве. А еще требовались специалисты по их защите от взлома. Ну, и по взлому тоже, но эту дорожку он сразу отверг, и это было счастье. Потому что из его друзей, которые занялись этим выгодным бизнесом, уже никого в живых нет.

– Минуточку, – прервал Луконину Гуров, у которого мелькнула одна мысль, показавшаяся важной. – Правильно ли я вас понял, что ему делались предложения по взлому компьютеров?

– Ну, он мне подробностей не говорил, но я так поняла, что да, были такие предложения, – ответила Катя.

– В том числе, возможно, и от группировок, которые крутились вокруг Тольятти, тамошнего автозавода... – не то спросил, не то просто вслух высказал свои мысли полковник.

– А, вы вот на что подумали! – догадалась Катя. – Думаете, ниточка может еще с тех времен тянуться? Мне бы, конечно, выгодно у вас такую мысль поддерживать, чтобы мужа выгородить, но я врать не стану. Нет, тут ничего не было. Я же говорю: не стал он принимать такие заказы, хотя деньги обещали большие. Он выбрал путь, который сулил заработки не сверхвысокие, зато надежные.

– А эти... заказчики, которые просили взломать чужую защиту, – они ему не угрожали? – спросил Гуров.

– Нет, угроз особых не было, – проговорила Катя. – Ведь под рукой имелись другие исполнители, готовые ради «зеленых» сделать любую работу. Так что здесь вы зря будете искать.

– А чего мне искать? – с невинным видом спросил Гуров. – Следствие убийцу установило, суд с его доводами согласился. И кто убил известно, и почему...

– Ничего ваше следствие не установило! – вскочив с кресла, закричала Катя. Лицо ее преобразилось: теперь оно уже не выглядело усталым, оно выражало гнев и решимость. – Схватили первого попавшегося человека, который по неосторожности... по моей вине оказался рядом, и скорей запихали его в тюрьму! Как же – они нашли убийцу! А с чего бы тогда вы сюда прикатили, если бы все было закрыто?!

– Первое дело нас интересует в основном из-за того, что случилось восемь дней назад, – осторожно заметил Гуров, следя за реакцией собеседницы.

– Ну да, конечно! – с еще большим жаром крикнула Катя. – Дима Луконин сидит в тюрьме, а банкиров продолжают щелкать как орешки. Ясное дело, надо разобраться. Тут уже

не первого попавшегося берут, а лучшего сыщика, настоящего специалиста. Вдруг он что раскопает, что первое следствие не заметило? Вот и у меня... – ее гнев прошел так же внезапно, как и вспыхнул, и Катя Луконина устало опустилась в кресло. – Вот и у меня на вас вся надежда. Я ведь почему так охотно согласилась с вами встретиться? Почему всю свою личную жизнь готова рассказать? Только чтобы его, Диму, спасти! Может быть, вы разберетесь, найдете нестыковки в обвинении и вытащите его оттуда... – и она разрыдалась, безудержно и безутешно.

– Пересматривать дело, по которому вынесен приговор суда, – вещь не простая, – заметил Гуров. – Но если в ходе расследования выяснятся важные подробности, не нашедшие отражения в обвинительном заключении, то нам даны и такие полномочия.

Ему хотелось сказать еще что-то, как-то утешить эту женщину – было видно, что она тяжело переживает несчастье, случившееся с мужем. Но как это сделать, он не знал. Давать невыполнимые обещания было не в характере старшего оперуполномоченного.

Однако Катя, как и в первый раз, смогла взять себя в руки. Правда, на этот раз ей потребовалось сходить в ванную, чтобы умыться. Приведя себя в порядок, она снова уселась напротив Гурова и сказала:

– Итак, про наши «школьные годы чудесные» вы услышали. Вопрос с компьютерной защитой изучили. Что еще интересует полковника Гурова?

– Все, что случилось дальше, – отвечал Гуров. – Ведь ваша семейная жизнь с Сотским, насколько я понимаю, так и не состоялась. Почему? Что этому помешало, если не преследования бандитов?

– Помешала этому я сама, – сообщила Катя. – Я одна. И с этого началась та история, которая и закончилась два месяца назад. Итак, Кирилл довольно быстро смог заработать достаточно, чтобы мы могли снять приличную квартиру и жить отдельно от родителей. Он обещал, что вскоре мы сможем купить собственное жилье и все у нас пойдет на лад. Но... Я проучилась в своем институте год и поняла, что мои мечты не стали ближе ни на один миллиметр. Это у Кирилла были какие-то успехи, он стал известен в Самаре, а у меня был полный ноль. Со всеми мечтами о славе, о любимой работе надо было распрощаться, а я была к этому не готова. И тут появился ОН...

– Кто?

Катя вновь, как и в начале их беседы, опустила голову, голос ее стал глухим, отдельные слова с трудом можно было разобрать.

– Его звали Дитер, – тихо произнесла она. – Дитер Шульц. Он работал в крупной фирме, занимавшейся строительством и проектированием. И его прислали в Самару, потому что наш передовой губернатор затеял какую-то грандиозную стройку с участием немцев. Не помню, как мы познакомились – то ли на официальном банкете, то ли на вечеринке у моих друзей-переводчиков. В общем, нас познакомили, и он... и я...

Она запнулась, подыскивая слова, и на какое-то время замолчала. Потом решительно тряхнула головой и вновь заговорила:

– Я думаю, детали следствию не интересны: важен результат. А результат был тот, что, когда спустя месяц Дитер Шульц вылетел назад в Германию, я вылетела вместе с ним. В качестве кого, вы спросите? Отвечу: в качестве невесты. Любимой и обожаемой русской невесты при перспективном, состоятельном, но нелюбимом немецком женихе. И в чем – снова можете вы спросить – был смысл этого мезальянса? А в том, что русская дура-невеста надеялась, что в сердце Европы она наконец сможет реализовать свою мечту, что здесь перед ней откроются все двери...

– А что же Сотский? – тихо спросил Гуров.

– Кирилл... Он до самого последнего момента ни о чем не знал, не догадывался... Я не могла, понимаете, не могла ему сказать! Ему уже потом, когда я исчезла, знакомые все расска-

зали. Что он по этому поводу думал, что пережил – этого я не знаю... Я его об этом даже потом, в прошлом году, когда мы встретились после долгой разлуки – даже тогда об этом не спросила...

Она вновь надолго замолчала.

– Ну а потом? – нарушил молчание Гуров.

– Потом... Что ж... – Катя усмехнулась. – Вначале, конечно, все было замечательно. Ну, вы представляете: в 92-м году попасть из Самары во Франкфурт... Дитер не обманул: у нас была свадьба, все честь по чести, хорошая квартира в престижном районе. Он устроил меня на работу – сначала в модельное агентство. Однако проработала я там недолго. Все, что я ни предлагала, не принималось. Я никак не могла уловить тенденцию моды. В общем, вскоре стало ясно, что таланта в этой области у меня нет. Тогда муж устроил меня в фирму, которая занималась созданием садов и парков. Тут у меня дела пошли лучше, я стала получать удовольствие от работы и в фирме меня хвалили. Но... В тот момент, когда рухнула моя мечта о славе, о признании, возник вопрос: во имя чего я предала свою любовь, бросила родителей, друзей? Чтобы до конца жизни сажать кусты на берегах Рейна? И делить постель с нелюбимым мужем? А Дитера я не любила, и с этим ничего нельзя было поделать: поговорка «стерпится – слюбится» ко мне не подходила. А муж чувствовал это мое отношение, и ему это, конечно, не нравилось. Он-то меня любил. И потом – у нас не было детей, надо было идти обследоваться, возможно, лечиться, а я отказывалась. Причина та же – не хотела я иметь от него детей, привязываться к той жизни.

В общем, промучились мы с ним так два года – и развелись. Что называется, по обоюдному согласию. Он мне оставил приличную сумму, и в фирме я была на хорошем счету, так что в деньгах не нуждалась. Но теперь я вспомнила о Кирилле. Списалась с подругами и узнала, что он вскоре после того, как я его бросила, уехал в Москву, создал здесь свою фирму, дела идут неплохо. А самое главное – женился, и уже ребенок есть.

Вот это меня окончательно доконало. Я и до этого понимала, что вряд ли получится начать все сначала, но какая-то надежда оставалась. А теперь... Я начала пить. На работе вначале терпели, пробовали меня лечить, я отказывалась, бегала от врачей... Тогда меня уволили. Я пропила все деньги, которые у меня оставались, и, наверное, кончила бы свои дни в каком-нибудь тамошнем приюте для алкоголиков, но тут со мной познакомился один тамошний пастор, который как раз занимался с пьяницами. Он вцепился в меня как клещ, и добился-таки своего: я перестала пить. Может, он, конечно, не только о душе моей думал, но и о теле... Не знаю. В общем, я снова устроилась на работу, в другую парковую фирму, заработала денег на билет на самолет и на жизнь на первое время – и вернулась сюда, в Самару. Вот такая история...

Катя снова замолчала, свесив голову на грудь. За окном стемнело. Раздался щелчок – это кончилась кассета в диктофоне. Этот звук заставил Катю очнуться.

– Что же мы в темноте-то сидим? – воскликнула она. Встала, зажгла свет, сходила на кухню. Оттуда вернулась с подносом, на котором стояли две чашки с чаем, сахар и лимон.

– Вот так, Лев Иванович, – сказала Катя, прихлебывая чай. – Получается, я вам всю свою жизнь рассказала. Даже не подозревала, что буду кому-нибудь об этом говорить. Не думаю, что эта моя история поможет вашему следствию.

– Не знаю, не знаю... – покачал головой Гуров и поменял в диктофоне кассету. – В нашем деле важна каждая деталь. Мелочей здесь нет. Так что давайте рассказывайте дальше. Тем более теперь в вашей истории, как я понимаю, снова должен появиться Кирилл Сотский.

– Да, – кивнула Катя. – Он действительно появился... Но не сразу. Я пробовала с ним связаться: узнала адрес фирмы и писала письма по электронной почте, потом сумела раздобыть номер домашнего телефона и несколько раз ему звонила. На письма он не отвечал, а когда я звонила, клал трубку. Как видно, слишком глубокую рану я ему нанесла и он хотел меня забыть. Искренне на это надеялся.

Ну а я тем временем познакомилась с Димой... ну, с моим будущим мужем. Он был полной противоположностью и Кириллу, и Дитеру – крепкий, немного агрессивный... Ой, что же это я о нем, как о мертвом: «был»! Нет, он и есть такой – крепкий, сильный, ни себя, ни друзей своих в обиду не даст. Влюбился он в меня – ну просто без памяти. Ну, и мне он понравился. Что ж мне, век теперь у телефона сидеть да школьные фотки перебирать? Вот я вышла за Диму и стала Лукониной. И тут...

Она поставила чашку на столик, глубоко вздохнула, словно собираясь нырнуть в воду, и продолжила:

– Тут спустя год после нашей с Димой свадьбы наконец пришло письмо от Кирилла. Электронное, конечно, но на нашу общую домашнюю почту. Так что я его быстро стерла, потом создала себе на «Яндексе» свой почтовый ящик и уже оттуда послала Кириллу ответ.

– А о чем он писал? – спросил Гуров.

– Он... Писал, что пытался меня забыть, но не смог. «Видимо, эту запись можно стереть только вместе со всей программой», – эту фразу я запомнила наизусть. Сообщил, что за те годы, что я в Германии разбиралась со своими талантами и чувствами, он преуспел в бизнесе, фирма его разрослась, он создал собственный банк и теперь ворочает большими делами. Что у него растет дочка, уже ходить начала. Ну, и спрашивал, как у меня дела.

– И что вы ответили?

– Повела в общих чертах о том, что рассталась с Дитером... вернулась... Сообщила, что вновь вышла замуж... Он просил прислать несколько фотографий – я так и сделала. Выбрала, конечно, фотки, где не было ни первого, ни второго мужа. Спустя неделю он прислал второе письмо... Так мы стали переписываться. И переписка эта длилась почти год – до октября прошлого года.

– А потом вы решили встретиться, – скорее утверждая это, чем спрашивая, сказал Гуров.

– Да, потом мы решили встретиться, – согласилась Катя. – Мы пришли к этому оба, почти одновременно, так что никого уговаривать не пришлось. И инициатора встречи трудно назвать: мы оба ее хотели.

– А кто выбрал место – вот этот самый мотель? – спросил Гуров и подался вперед – он чувствовал, что теперь каждая деталь могла иметь важное значение.

– Кирилл выбирал, – ответила Катя. – Он там до этого был один раз – друзья завезли на охоту. Место ему понравилось. К тому же, как он мне писал, мотель расположен почти на полпути между Москвой и Самарой. Ну не совсем на пол пути, к Самаре ближе.

– Значит, он был там на охоте... – задумчиво сказал Гуров. – А он что, охотник?

– Нет, это он просто за компанию ездил, – ответила Катя. – Сам он стрелять не умеет, и ружья нет.

– А что это была за компания, не знаете?

– С которой он на охоту ездил? Представления не имею. Мы с ним на эту тему не говорили.

– Ладно, это пока оставим, – проговорил Гуров. – Итак, вы встретились первый раз в октябре – верно?

– Да.

– Каждый приехал на своей машине, Сотский заказал номер на двоих... У вас какая машина?

– Самая простая – «Матиз» старенький, – ответила Катя.

– Вы не заметили, за вами никто там не следил?

– Там народу мало, постороннего сразу видно... Нет, слежки в мотеле я не заметила. Зато ее заметил Дима здесь, в Самаре.

– Это вы о чем? – удивился Гуров. – Какая слежка?

– Это случилось вскоре после нашей первой встречи с Кириллом, – начала рассказывать Катя. – Диспетчер с нашего автосервиса заметил машину, которая несколько дней стояла напротив нашей фирмы – черный такой «Лендровер». Он сначала думал, что это клиент, просто очереди ждет, но владелец на СТО не обращался. А еще в эти дни нам несколько раз звонили – и на работу, и домой. Спрашивали то Диму, то меня. Ну муж, конечно, решил, что это у меня появился очередной поклонник. И когда снова увидел эту машину, пошел выяснять отношения. Однако хозяин машины его заметил и быстро уехал.

– А номера этого наблюдателя муж не заметил? – спросил Гуров.

– Нет. А вот номер региона запомнил, – ответила Катя, внимательно глядя на Гурова, словно стараясь внушить ему какую-то мысль. – Номер был московский.

– Так, может, это был ваш друг Сотский?

– Нет, исключено, – покачала головой Катя. – Мы как раз в эти дни с ним много переписывались, он был в Москве и никуда не выезжал. Наоборот, старался подольше бывать на работе, переделывать все дела, чтобы потом получить возможность отлучиться на пару дней для встречи со мной.

– Интересно... – пробормотал Гуров, делая пометку в блокноте. – Хорошо, значит, после этого у вас были еще две встречи, а четвертая не состоялась. Как я знаю, вы на нее опоздали. Расскажите, как это случилось.

– Ну сейчас-то я знаю, что это Дима постарался, – начала свой очередной рассказ Катя. – А тогда, помню, страшно психовала. Надо же: столько поломок сразу! Сначала колесо спустило. Ну это еще ладно. Только я его заменила...

– Сами заменили? Без посторонней помощи? – удивился Гуров.

– А что тут такого? – в свою очередь удивилась его собеседница. – Домкрат у меня хороший, Дима подобрал. Со стандартным я бы, конечно, долго возилась. Силы тут особой не нужно... Это вы, мужчины, привыкли думать, что женщины только у плиты стоять могут...

– А следовательно вы иначе говорили, – напомнил Гуров. – В деле значит, что вы со спущенным колесом доехали до ближайшей станции техобслуживания.

– Ах, это... – Катя усмехнулась. – Я пыталась этому следовательно рассказать то же, что и вам – правду, то есть. Только он не поверил: что ты мне, мол, сказки рассказываешь! Ну ладно, тогда я и сказала, что ехала до монтажки.

– Хорошо, с этим понятно. Рассказывайте дальше, – потребовал Гуров.

– Ну вот, только я, значит, запаску поставила – мотор начал греться, – сказала Катя. – Что за притча? Я и так, и этак – вентилятор не крутится, и все тут. Вот тут действительно пришлось заезжать на СТО. Как я на этих мужиков давила, как просила сделать побыстрее... Если бы знала, куда спешу... В общем, когда я приехала в мотель, там уже было полно милиции, а Кирилл был уже мертв...

Она обхватила плечи руками, словно вдруг замерзла, хотя в квартире было тепло.

– А машину мужа не заметили? Он же ехал вам навстречу? – спросил Гуров.

– Не могла я ее заметить, – не меняя позы и глядя в пол, пробормотала Луконина. – Темно уже было. Да и не обращала я внимания на встречные...

– Ну хорошо, на этом можно и закончить, – сказал Гуров, выключая диктофон. – Если потребуется что-то уточнить, я вам позвоню, идет?

– Звоните, – пожала плечами Катя. – Вы только внимательно все это изучите, ладно? Вникните еще раз. Вы тогда обязательно поймете, что Дима не виноват – просто все обстоятельства против него обернулись. Точнее, их кое-кто так организовал, что все улики показывали на него. Вам в Москве убийцу надо искать, вот где! Я и тому следовательно это говорила, только он меня и слушать не хотел. Но вы другой, я же вижу!

– Может, вы мне заодно и подскажите, где именно в Москве надо искать убийцу? – усмехнулся Гуров, направляясь в прихожую. – Мне тогда и работать не надо будет...

– Могу и подсказать, – ответила Катя. – Мне кажется, вы не из обидчивых, не станете в бутылку лезть из-за того, что посторонний человек, да еще жена убийцы, вам советы дает. Так вот: я точно знаю, что убийцу надо искать в том банке, которым Кирилл руководил.

– Подозреваете или знаете? – уточнил Гуров, становясь серьезным.

– Знаю! – ответила Луконина, тоже поднимаясь с кресла. От ее апатии не осталось и следа.

– Может, вы мне его заодно и назовете, убийцу этого? – спросил полковник.

– Нет, назвать, к сожалению, не могу, – заявила Катя. – Я сначала думала на одного человека... Впрочем, это неважно. Вот вы разберитесь в этом деле, поговорите там, в Москве, с людьми. Может, тогда и найдете убийцу.

– Загадки какие-то... – пробормотал Гуров. – Ладно, так и быть, придется самому расследовать. А я-то думал, вы за меня всю работу сделаете...

Уже в прихожей, взявшись за ручку двери, Гуров вспомнил, что не задал еще один вопрос. И он спросил:

– Скажите, Катя, а кем вы в Германии работали? Я имею в виду, уже после развода с мужем, когда во второй раз устроились на работу?

– Ну я же говорила: опять в садово-парковую фирму пошла, только в другую, – ответила Луконина.

– Это я помню, – сказал Гуров. – А кем именно работали? Какую работу выполняли?

– Ну... – она пожала плечами, – проектирование, составление плана насаждений... указывала рабочим, что где сажать, где дорожки делать, дренаж... А зачем это вам? Это уж точно к делу не относится.

– Так, для полноты картины, – проговорил Гуров. – Ну, до свидания. Если что, я действительно позвоню.

– А мне кажется, мы еще увидимся, – такими были последние слова Кати, которые он услышал, перед тем как дверь захлопнулась.

Глава 5

Полковник Крячко привык относиться к работе творчески. А потому, прежде чем отправиться выполнять задание шефа и беседовать с пребывающей в горе вдовой Леной Сотской, он решил заглянуть в банк – побеседовать с директором, узнать что-нибудь об образе жизни обоих погибших руководителей.

Ради такого случая Крячко даже изменил своему всегдашнему правилу – одеваться попроще – и отыскал в своем гардеробе белую и даже относительно выглаженную рубашку. Нашел и галстук – как-то раз сослуживцы подарили, так и валялся в шкафу. Однако, повертев «удавку» в руках, надеть ее полковник все же не решился – галстук остался на столе до лучших времен.

Банк «Амальгама» выглядел, как и положено учреждению такого уровня: мраморная облицовка фасада, золоченые ручки дверей, дорогая тротуарная плитка покрывала не только тротуар, но и служебную автостоянку. Потрепанная машина Крячко (даром что «Мерседес») смотрелась здесь как чужеродное тело. Едва полковник заехал на стоянку, как к нему тут же подскочил охранник.

– Клиенты за углом становятся, а здесь только для сотрудников, – заявил он, буравя Крячко взглядом, от которого, казалось, рядовой гражданин должен был немедленно уменьшиться в росте.

– А я и не клиент, – заявил Крячко. – Так, поговорить зашел.

– Чего?! – взъерился охранник. – С кем это «поговорить»? Давай проваливай по-быстрому!

– И это все, чему тебя в ОМОНе научили? – спросил Крячко, раскрыв перед носом охранника удостоверение. – Зря так быстро уволился: еще бы пару лет послужил, глядишь, чему-нибудь бы научился.

И оставив озадаченного стража стоянки гадать, откуда незнакомый полковник милиции знает его послужной список, Станислав прошел в банк. На сотрудников службы безопасности удостоверение полковника тоже произвело впечатление, однако здесь Крячко все же пришлось подождать, пока выписывали пропуск. Заодно нужно было уточнить, к кому именно он направляется.

– А кто у вас теперь директор? – спросил Крячко.

– Раньше был Арбенин Глеб Олегович, а с прошлой недели директором назначен его заместитель Носик Роман Аркадьевич, – ответил сотрудник, заполняя пропуск. – Так вы к нему?

– К нему самому, – подтвердил Крячко. – И передайте, что я по крайне срочному делу. Речь идет об убийстве его шефа. Так что ждать в приемной не собираюсь.

Весть о важном полковнике из главка, прибывшим расследовать убийство Арбенина, разнеслась по всему банку. Девушка, которую выделили провожать Крячко к кабинету директора, была сама почтительность.

– Роман Аркадьевич вас ждет, – пролепетала она, открывая перед Крячко массивную дубовую дверь.

За строгим черным столом сидел безукоризненно одетый темноволосый человек лет тридцати. Сухо поприветствовав вошедшего, он указал ему на кресло и спросил:

– У вас, видимо, есть вопросы? Пожалуйста, задавайте побыстрее, мое время строго ограничено и расписано по минутам.

«Похоже, этот парень из той же породы, что и цербер на стоянке, – отметил про себя Крячко, – только лощеный». С таких людей надо было прежде всего сбить спесь.

– Что ограничено, это точно, – заявил Станислав, развалившись в кресле. – Дело-то не об угоне машины идет и даже не о налогах – об убийстве, причем двойном.

– Почему об убийстве? – удивился хозяин кабинета. – Как я слышал, с Глебом Олеговичем произошел несчастный случай. И почему двойное? Ведь то первое дело давно закрыто...

– А мы его снова решили открыть, – заявил Крячко, внимательно глядя в глаза собеседника. – И гибель Арбенина мы рассматриваем тоже как убийство. Следствие располагает такими данными. Поэтому беседовать мы будем столько, сколько нужно для следствия – это понятно?

– Понятно... – сглотнув неизвестно откуда взявшийся в горле ком, пробормотал новоназначенный директор. От его высокомерия не осталось и следа.

– Вот и отлично, – заключил Крячко. – Давайте начнем вот с чего: расскажите мне подробнее о вашем погибшем шефе, Арбенине. Жена, дети, привычки, как проводил свободное время...

– Пожалуйста, это не секрет, – пожал плечами Носик. – Глеб Олегович был не женат...

– Тогда назовите его девушек – ну пусть не всех, а основных, – потребовал Крячко. – Только не говорите, что не знаете и такими пустяками не занимаетесь. Вы сколько лет были его замом?

– Три года... – ответил Носик. Видно было, что он находится в затруднении и не знает, какую линию поведения выбрать.

– Ну, за три года подчиненный о шефе обязан все узнать, – заявил Крячко. – Давайте, выкладывайте.

– Ну, были, конечно, знакомые... – задумчиво проговорил хозяин кабинета. Видимо, он решил не запираяться и выдать небольшую порцию информации. «Все, конечно, не скажет, – подумал Крячко, – но кое-что я узнаю. На первое время и этого хватит».

– В последнее время он чаще всего появлялся с одной... Вика ее зовут, – продолжал Носик. – Она где-то в районе Пречистенки живет, я точно не знаю...

– А точно и не надо, – согласился Крячко. – Вот телефончик – его желательно продиктовать точно.

– Телефон у меня где-то записан, – проговорил директор, листая ежедневник. – Вот, пишите...

Крячко записал номер Вики с Пречистенки, а затем еще один номер – девушки, которую звали Алина и которая обитала где-то в Замоскворечье. Затем Носик стал клясться, что больше никаких знакомых покойного он не знает.

– А больше на этой стадии не требуется, – успокоил его Крячко. – Теперь скажите, в каких отношениях Арбенин был с женой прежнего руководителя банка, Леной Сотской.

– В самых лучших! – заверил Носик. – Глеб Олегович и Кирилл Анатольевич вместе основали фирму «Мегабайт», а потом и наш банк, они дружили домами. Так что Глеб Олегович был у Сотских частым гостем. Ну понятно, в гости он ходил один, без своих спутниц.

– А как Арбенин проводил свободное время? – поинтересовался Крячко. – Наверное, любил ездить на охоту? Пикники, шашлыки...

– Нет, что вы! – воскликнул директор. – Глеб Олегович ничем подобным не увлекался. Ночные клубы, премьеры в кино, иногда театр – это да. А вся эта пленэрная романтика его не интересовала.

– Что же он в таком случае делал в Пензенской области, в охотничьем заказнике? – спросил Крячко.

– Мы сами удивляемся! – развел руками Носик. – Все в руководстве банка гадают, что его заставило отправиться в эту поездку.

– И он ни вам, никому другому в банке о ней не говорил, не предупреждал, что исчезнет на несколько дней?

– Нет, ничего не говорил! – заверил директор.

– А раньше он отправлялся в подобные поездки, отлучался куда-нибудь из банка? – продолжал допытываться Крячко.

– Уверяю вас: Глеб Олегович был человеком дела и никогда, кроме как по делам банка, никуда не уезжал, – заявил Носик. – Ну, не считая, конечно, времени отпуска... Тогда, конечно, уезжал...

– Может быть, у него возникли какие-то сомнения насчет выводов следствия по делу гибели Сотского? – предположил полковник. – Он ничего такого не говорил?

– Нет, не было у него сомнений, уверяю вас! – твердо заявил Носик. – Все ясно, дело закрыто...

Крячко про себя отметил, что хозяин кабинета уже второй раз за время их короткой встречи настойчиво подчеркивает, что дело о гибели Сотского не должно подлежать пересмотру. «Интересно, почему он на этом настаивает? – подумал полковник. – Надо попробовать прощупать этот пункт».

– Я ведь уже сказал: дело о гибели Сотского открыто заново, – заявил Станислав. – И решение об этом принято на самом верху, – он многозначительно показал в потолок. – Так что в скором времени всех вас заново будут вызывать на допросы.

– Вот как... – пробормотал Носик. – Что ж, раз так решили... Хотя, конечно, странно... Но раз решили, нам скрывать нечего...

Слушая его сбивчивое бормотание, Крячко отметил, что решение о пересмотре первого дела производит на хозяина кабинета самое угнетающее действие. У него сложилось твердое впечатление, что Роману Носику как раз есть что скрывать.

– Ладно, оставим пока эту тему, – произнес полковник. – Вернемся к поездке Арбенина в Пензу. Кому в банке он сообщил о том, что уезжает в командировку?

– Никому! – твердо заявил Носик. – О его отлучке прежде всего я должен был знать. Но он мне ничего не говорил.

– А прежде, если он отъезжал куда-то в рабочее время, он кому-нибудь сообщал?

– В общем, да, – подумав, ответил директор. – Предупреждал, что его не будет, давал указания по важнейшим направлениям...

– Ну хорошо. А скажите, Арбенин был совладельцем банка? Или он владел какой-то компанией, являвшейся вашим акционером? – спросил Крячко.

Видимо, Роман Носик не ожидал от оперативника такой осведомленности в банковских делах – на его лице отразилось удивление и растерянность.

– Нет, Глеб Олегович не был совладельцем, – вернув лицу невозмутимое выражение, ответил он. – Все имущество принадлежало Сотскому.

– Каким же образом он стал председателем совета директоров?

– Елена Брониславовна передала ему в управление свой пакет акций, – пояснил Носик.

– Хорошо, а сейчас кто является председателем совета – вы?

– Нет, мне таких полномочий не передавали, – ответил Носик. – Постоянный председатель еще не назначен, его обязанности временно выполняет Шилкин Андрей Викторович.

– А кто он? – продолжал допытываться Крячко.

– Он возглавляет компанию «Стройсбыт» – это наш второй по величине акционер, – объяснил директор.

– А что же Елена Брониславовна вам полномочия не передала, как Арбенину? – спросил полковник.

– Ну, это вопрос не ко мне, – развел руками хозяин кабинета. – Это вы уж у нее спросите. Вы же будете с ней встречаться?

– Обязательно, – пообещал Крячко. – И с ней, и с другими людьми, кто близко знал Сотского и Арбенина.

На этом он решил пока оставить Романа Носика в покое и покинуть кабинет молодого директора банка. На этот раз хозяин кабинета решил проявить любезность и поднялся с кресла, чтобы лично проводить гостя. Тут Крячко понял одну из причин, почему новый директор банка не любил вставать навстречу посетителям: Роман Носик был довольно маленького роста, он не доходил рослому полковнику даже до плеча. «Ну на его финансовых делах это вряд ли отражается», – подумал Крячко.

Распрощавшись с Носиком, Станислав в сопровождении все той же девушки направился было к лифту, но когда двери лифта уже распахнулись перед ними, он неожиданно сказал:

– А знаете, я пока еще у вас побуду тут, в банке. Надо еще кое с кем поговорить. Например, с вами.

– Со мной? – поразила служащая. Кажется, слова полковника милиции привели ее в ужас. – Но... у меня указания... только проводить...

– Когда милиция проводит расследование, – веско сказал Крячко, то все прочие указания, от кого бы они не исходили, можно послать подальше. Ясно?

– В общем, да... – пролепетала девушка. – Но... о чем вы хотите разговаривать? Я всего лишь мелкий служащий... работаю в кассовом отделе...

– И давно работаете?

– Нет, полгода всего...

– А как зовут молодую сотрудницу кассового отдела? – продолжал допытываться Крячко.

– Аллой... – отвечала девушка.

– Вы, Алла, меня не бойтесь, – сказал Крячко, придав голосу самые задушевные интонации. – Бояться расследования надо тем, кто скрывает от милиции важную информацию. А вы ведь ничего не скрываете, верно?

– Нет, – ответила Алла. Видно было, что она немного оправилась от смущения и почувствовала себя уверенней. – А что вы хотели знать?

– Мне нужно знать, что представляли собой ваши начальники – Сотский и Арбенин, – объяснил Крячко. – Что они были за люди, понимаете? Все подробности, мелочи... Кто бы мог об этом рассказать? Может быть, шофер, который их возил?

– Да, верно! – обрадовалась девушка. – С Сергеем Ивановичем вам надо обязательно поговорить. Он же с Кириллом Анатольевичем начал работать очень давно, еще когда фирму «Мегабайт» основали. А потом, когда его убили, стал водителем у Арбенина. Так что он обоих их знает. А еще с Людмилой Юрьевной.

– А это кто?

– Она наш ведущий юрист. Тоже давно работает. Она так переживала, когда Кирилла Анатольевича убили... На ней прямо лица не было...

– И что – она одна так к этому отнеслась? Или другие тоже? – поинтересовался Крячко.

– Нет, не только она, – покачала головой Алла. – Кирилла Анатольевича многие жалели. И на похороны почти все пришли, хотя эта... вдова... она никого не звала и даже время не сказала. Но в банке его любили. К нему всегда можно было обратиться, если что, он никогда не отказывал.

– А Арбенин?

– Ну, Глеб Олегович – он совсем другой человек был, – пожала плечами Алла. – При нем рот лишний раз не раскроешь. И просить его о чем-то никому в голову не приходило.

– А вот скажите, – поинтересовался Крячко, – этот Арбенин, как я понял, был не женат. Так он за молодыми хорошенькими сотрудницами не ухаживал? При его положении легко – как-никак председатель совета...

– Нет, Глеб Олегович ничего подобного себе не позволял, – усмехнулась Алла. – Вот Роман Аркадьевич – другое дело. С ним надо держаться осторожнее...

– Хорошо. А где мне искать этого Сергея Ивановича и Людмилу Юрьевну? – спросил Крячко.

– Ну Слесаренко, наверное, в гараже... А у Людмилы Юрьевны кабинет на третьем этаже, 305-й, кажется.

– Может, вы мне и телефон ее подскажете, а заодно и ваш? – спросил Крячко.

– Но у меня своего служебного нет, только у начальника отдела... – сказала девушка.

– А меня и сотовый устроит, – согласился Крячко. Когда Алла продиктовала оба телефона, Стас заявил:

– Ну вот видите, Алла, как много важного вы мне рассказали. Может, даже больше, чем ваш директор.

Расставшись с Аллой, Крячко направился в гараж. Девушка была права: водитель находился там. Сергей Слесаренко оказался крепким солидным человеком, одетым в строгий темный костюм – впору было его самого принять за руководителя банка. На вопросы он отвечал охотно и точно.

Прежде всего Крячко поинтересовался, часто ли его бывший шеф Кирилл Сотский сам водил машину.

– Редко, Кирилл Анатольевич за руль садиться не любил, – заявил Слесаренко.

– А почему? – продолжал допытываться Крячко.

– Ну... понимаете, он всегда о чем-то думал, – начал объяснять водитель. – О новых проектах, об операциях... ну, не знаю точно, но голова у него всегда была занята. Мне-то с ним поговорить хочется... черт, никак не привыкну, что его уже нет, что надо о нем в прошедшем времени говорить... Так вот, я начну рассуждать – ну, там о занятиях в клубе или о погоде... а он вдруг мне и говорит: «Слушай, Сергей, помолчи, пожалуйста, мне подумать надо». Ну тут я, конечно, рот на замок. Так вот, я это к чему? К тому, что вождение его от размышлений отвлекало. И он, значит, чтобы ничто не мешало, ездил со мной.

– А другие водители у него были?

– Нет, – покачал головой Слесаренко. – Тут надо знать Кирилла Анатольевича. У него, кроме любви к размышлениям, еще одна характерная черта была: он был человек исключительно привязчивый. Раз он с человеком работает – он ни за что его менять не будет. Ну если уж только тот совсем никудышным окажется...

– А если ты болел?

– Ну я же спортом занимаюсь, – усмехнулся водитель. – Так что болею очень редко. А если такое случалось, тогда Кирилл Анатольевич, ничего не поделаешь, сам за руль садился.

– Ты его только по городу возил или в другие города тоже?

– В другие тоже бывало, но только если недалеко, – ответил Слесаренко. – Ну во Владимир, например, или в Ярославль, в Тулу. А если в Белоруссию – туда самолетом. Тут я его только до Домодедово подброшу, а потом обратно встречу – и все.

– А если поездка не служебная, а куда-нибудь на дачу или на природу, на охоту – тут он тоже с тобой ездил? – поинтересовался Крячко.

– У них с Еленой Брониславовной не дача, а дом за городом, – пояснил Слесаренко. – На Калужском шоссе, очень солидный особняк с парком. Туда тоже я возил. На охоту он никогда не ездил, этим делом не увлекался. И пикники они не устраивали. В театр – это да, а еще к друзьям в гости. Но тут он обычно сам водил.

– А его жену, вот эту самую Елену Брониславовну, ты возил, или она сама машину водила? – спросил Крячко.

– Иногда она без меня ездила, но если я не был занят с Кириллом Анатольевичем, она меня вызывала, – сказал водитель.

– Что, тоже любила размышлять? – поинтересовался полковник.

– Ну нет, тут другое, – покачал головой Слесаренко. – Елена Брониславовна, она поговорить любит. Нет, не со мной – со мной она и двух слов за всю поездку не скажет, – а по телефону. Как сядет – так сразу за телефон.

– Но можно ведь и гарнитурой пользоваться, – заметил Крячко.

– Можно, конечно, – согласился Слесаренко. – Но с водителем все равно удобнее.

– А с кем она разговаривала – с подругами? – уточнил Крячко.

– Вы меня извините, товарищ полковник, – сказал водитель, – но давайте о Елене Брониславовне в прошлом времени не будем говорить – ну, словно она тоже... Она, конечно, не такой человек, как Кирилл Анатольевич, но все же... Я хочу сказать, что она же и сейчас, наверно, с теми же привычками, верно? Так вот, разговаривает она чаще всего – да, с подругами.

Крячко отметил про себя и эту оговорку «чаще всего», и некоторую заминку, с которой водитель отвечал на вопрос о разговорах хозяйки. Отметил и слова о том, что Елена Сотская «не такой человек», как ее покойный муж. Но пока решил на водителя не нажимать, а перейти к другой теме.

– А в Пензенскую область, значит, Сотский с тобой ездил? – спросил Крячко самым невинным тоном. – Конец-то не близкий...

– В Пензенскую? – переспросил Слесаренко и помедлил, словно вспоминая. Между тем Станислав, научившийся за годы оперативной работы разбираться в людях, был абсолютно уверен, что водитель прекрасно помнит, о какой поездке идет речь, и просто не знает, что ответить.

– Да, в октябре прошлого года, – напомнил ему Крячко. – Если точнее, 17-го числа. Не может быть, чтобы ты не помнил.

– Почему же, помню... – протянул водитель.

– Ты не тяни, рассказывай, – твердо сказал Крячко.

– Нет, в Пензенскую область Кирилл Анатольевич поехал один, – ответил наконец Слесаренко.

– А почему? – настойчиво спросил Крячко. – Туда пилить, часов восемь выйдет...

– Мне трудно сказать... – пожал плечами водитель.

– Но ты знал, что он туда отправляется?

– Не знал, но...

– Что «но»? Да не тяни ты! – потребовал Крячко. – А то мне придется у кого-то другого узнавать, а потом доказывать, что ты что-то скрываешь. И получится, что ты сознательно мешал следствию.

– Не знал, но догадался, – ответил наконец водитель. – Немного позже, уже когда он во второй раз поехал, я догадался – куда.

– Каким образом?

– А он перед этим карту смотрел... И меня спрашивал, как до Самары доехать. А когда вернулся, и я начал про Самару спрашивать – как, мол, город, – то понял, что он там не был. Значит, был где-то ближе, до Самары. Ну а уже потом, когда все случилось... когда он погиб в этом мотеле, я понял, куда он ездил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.